

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru

ISAEV A.V., Candidate of Political Science, Docent, Associate Professor of the Department of Civil disciplines and social security, Central Russian Institute of Management – branch of RANHIGS (Russian Federation, Orel), e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

MATVIENKO V.A., Senior Researcher, Candidate of political sciences, Associate Professor, Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: vamatv@mail.ru

СУДЬБЫ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

THE FATE OF THE PEOPLE'S REPRESENTATIVES OF THE FIRST STATE DUMA

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть отношение официальных властей и народных масс к депутатскому корпусу после роспуска первой Государственной Думы. Авторы анализируют факты политических репрессий, а также дифференцированное отношение населения к своим избранным. В работе делается вывод о том, что активная депутатская деятельность вызывала определенную правительственную реакцию с применением различных административно-политических сил и средств. В свою очередь, неоправданные высокие ожидания от народной институции объективировались в жестокости и агрессии по отношению к бывшим народным представителям. С другой стороны, оправдавшие доверие избирателей депутаты находили защиту в своей электоральной среде. Указанная политическая турбулентность приносила драматизм в формирование как групповой социокультурной и политической идентичности, так и персональных судеб.

Ключевые слова: парламент, Государственная Дума, народное представительство, депутат, народ.

Abstract. The purpose of the article is to consider the attitude of the official authorities and the masses to the deputy corps after the dissolution of the first State Duma. The authors analyze the facts of political repression, as well as the differentiated attitude of the population towards their chosen ones. It is emphasized that the active deputy activity caused a certain government reaction with the use of various administrative and political forces and means. In turn, unjustified high expectations from the people's institution were objectified in cruelty and aggression towards former people's representatives. On the other hand, the deputies who justified the confidence of the voters found protection in their electoral environment. The authors draw conclusions that the indicated political turbulence brought drama to the formation of both group socio-cultural and political identity and personal destinies.

Keywords: parliament, State Duma, people's representation, deputy, people

ВВЕДЕНИЕ

Через Государственную Думу Россия в начале XX века перешагнула из сферы азиатского бесправия в сферу парламентаризма [2, С. 62]. Анализ деятельности первой парламентской институции России, а также драматических событий, связанных с гонением бывших депутатов, представляется важным не только для понимания исторического опыта становления института представительной власти в России, но и для осмысления контекста политической турбулентности, существенным образом влияющей на судьбы народных представителей в частности и всей страны в целом.

В контексте данной статьи мы оставим за рамками исследования процесс формирования, деятельности и собственно причин роспуска первой Государственной Думы, работа которой длилась 72 дня – с 27 апреля по 9 июля 1906 года. При этом акцентируем внимание на отношении официальных властей и народных масс к депутатскому корпусу после роспуска первой Государственной Думы.

МЕТОДЫ

В рамках данной статьи авторами была проанализирована мемуарная литература. Исследовательский интерес представляют собой брошюры В. В. Брусянина и Л. В. Щегло [2, С. 12], публикации Л. Куприяновой [8, С. 24–36] и, вспоминая о членах Партии народной свободы [9], в которых даются ретрооценки происходящих событий начала XX века.

Научный анализ процесса становления народного представительства в дореволюционной России, а также деятельности «новых политиков в новом политическом пространстве» предпринят в работах А. С. Борисова, В. Н. Колесникова, И. К. Кирьянова, Л. В. Савенковой, Н. Б. Селунской, В. А. Холодова [1,

С. 161–168; 5; 6; 7; 10, С. 168–175; 11].

Отдельные вопросы судеб депутатов Орловской губернии затронуты в исследованиях И. В. Гаврилюка и В. В. Зотова [3, С. 261–267; 4, С. 13–19].

В качестве основной методологической базы использованы проблемно-исторический метод и методология «memory studies», позволяющие фокусировать внимание на персональных историях людей и их судьбах в контексте конкретно-исторической обстановки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Следует отметить, что в период деятельности первой парламентской институции народные представители имели депутатскую неприкосновенность (хотя и испытывали негативное отношение со стороны властей [9]), а в глазах народа каждое их слово представляло особый вес и значение. Всякий акт произвола и насилия народ доводил до своих избранных, к ним апеллировал, на их защиту надеялся [8, С. 24–36].

Как отмечают современники тех лет, «...велика была вера в Государственную Думу, но сильно было и разочарование в её бессилии. Дума не завоевала власти, депутаты не в силах были добыть народу «землю и волю», но работа Думы раздвинула горизонт для широких масс населения, научила их связывать свои непосредственные нужды с общегосударственными. Речи депутатов, отчеты о заседаниях Думы читались и обсуждались во всех самых глухих уголках страны.

Таким образом, влияние Думы на массы росло и правительство понимало, что народ мог организовать вокруг законодательного органа, чего исполнительная власть не могла допустить.

С роспуском анализируемого представительного органа депутатская неприкосновенность закончилась, и правительство активно начало применять различные администра-

тивно-политические средства в противостоянии народным избранникам.

Содержание и смысл телеграфических и иных распоряжений П. А. Столыпина 7 июля 1906 года явились для губернаторов и градоначальников достаточно ясными директивами, дающими им право «на расправу» с бывшими парламентариями [2, С. 5], а также для недопущения или разгона митингов.

Складывающаяся обстановка побудила большую часть думцев (его подписали 167 депутатов) составить «Выборгское воззвание», которое призывало «не давать правительству ни солдат, ни денег». Однако среди населения оно не вызвало ожидаемого отклика, но явилось катализатором «антидумовской» политики.

Так, 20 октября 1906 года Министр внутренних дел разослал губернаторам, начальникам областей и градоначальникам циркуляр с информацией о привлечении к следствию бывших членов Государственной Думы, присутствовавших в Выборге и там же подписавших воззвание, как участников его составления.

Как отмечал В. В. Брусянин, решение вопроса о предании суду авторов «Выборгского воззвания» затягивалось, ибо правительство не знало, как поступить: судить ли парламентских крамольников или игнорировать их неконституционную выходку [2, С. 8]. В итоге они были приговорены к трехмесячному заключению и лишены избирательных прав.

С роспуском Думы «органическая» работа бывших депутатов прекратилась, и им предстояло возвращение на места. При этом за бывшими народными избранниками началось повсеместное слежение [2, С. 8].

Едва появлялся депутат в своей губернии, особенно депутат от крестьян, как за ним устанавливался самый тщательный надзор, местная полицейская власть устраняла всякую возможность свободного общения с населением [8, С. 24–36].

Однако «народ страстно желал слышать, что скажет вернувшийся из Петербурга депутат, жаждал знать, за что распущена Дума, в которую было вложено столько надежд, требовал отчета от депутатов в их деятельности и ответа на то, что делать, как быть дальше?» [8, С. 24–36].

До какой степени велика потребность населения знать, что делали парламентарии в Думе, видно из газетных заметок о бывшем депутате крестьянине Стефанюке, к которому местное население неоднократно обращалось с вопросами о роспуске Думы, но он упорно молчал, отговариваясь незнанием. Ни угрозы, ни ругательства крестьян не помогли. Наконец, на днях, когда толпа крестьян настойчиво приступила к Стефанюку с расспросами о Думе, а последний отнекивался и не хотел отвечать, на него набросился с бранью отставной фельдфебель и закричал: «Что ж ты, собачий сын, мы тебя выбрали, на наши гроши ты поехал, привез себе оттуда казны, а теперь молчишь! Мы тебе отобьем бока и покажем, как отвиливать с ответами перед громадой!..» С этими словами «он бросился на Стефанюку и избил его палкой. Сотские еле отстояли депутата от раздраженной толпы» [2; 8, С. 24–36; 7].

Описанный случай показывает, в каком двойственном положении были депутаты, возвратившись к своим избирателям. Замалчивать о думской работе они не могли, а слушники рисковали подвергнуться такому же избиению, что пришлось испытать Стефанюку [2, С. 9].

Поэтому, как свидетельствуют современники, по возвращении народным представителям приходилось уезжать или по собственному желанию (депутат Лаврентьев Тетюшского уезда говорил, что хочет в город уехать, так как здесь опасно), или под угрозой жизни (в селе Борковка Ставропольского уезда депутат Шарков вынужден был выехать из населенного пункта, а его дом был сожжен

односельчанами). Недружелюбно был встречен населением Гжатского уезда и бывший конституционный демократ Лебедев – крестьяне разгромили принадлежащий депутату фруктовый сад [2, С. 10].

Во многом к подобного рода проявлениям негативного отношения к своим выборным депутатам крестьян провоцировала «черная сотня», которая с особым старанием помогала полиции в деле преследования народных представителей [2, С. 11; 11]. Из опасения за свою жизнь пришлось выехать из Умани бывшему депутату Шолке. Смертными приговорами грозили черносотенные организации депутатам Родичеву, Петрункевичу, Винаверу, Седельникову [8, С. 24–36].

Так, показателен следующий случай, когда «черная сотня» не оставила в покое депутата Сычевского уезда Т. О. Волкова. Из Петербурга Волков возвратился в с. Воскресенское больным и остановился у знакомого диакона. Тотчас же по прибытии Волкова местная «черная сотня» начала распускать слух, что бывший депутат думы ходит по соседним деревням, устраивает митинги, возбуждает крестьян против помещиков, призывает к вооруженному восстанию и разбрасывает прокламации («Выборгское воззвание»), которых он привез из Петербурга целых 2 пуда. Волков не обращал никакого внимания на подобную клевету, при этом и местная полиция хорошо знала его еще в бытность учителем. Однако, анонимные доносы, письма и телеграммы способствовали тому, что полиция в ночь на 4 августа 1906 года произвела обыск в доме диакона, но в вещах депутата ничего недозволенного не обнаружила [1, С. 11; 11].

Современники тех лет отмечают, что полиция активно «встречала» бывших народных представителей на местах. Так, узнав из частной телеграммы о приезде в г. Малмыж бывшего депутата И. Н. Овчинникова, местный исправник моментально мобилизовал

отряд воинской силы, состоявший из 5 стражников, и во главе с приставом двинул авангардную колонну к пристани, а 10 стражникам было приказано залечь в засаде, в лесу, по дороге от пристани к городу. Другой бывший депутат П. А. Садырин был арестован за устройство собеседования с крестьянами и заключен в тюрьму на 3 месяца. Желая сделать заключение для Садырина как можно тягостнее, губернатор при личном посещении Малмыжа приказал перевести его, «как крестьянина», из тюрьмы в арестное помещение при полиции и держать его там, пока не получит распоряжения высшей власти перевести его обратно в тюрьму [8, С. 24–36].

Ожидавшая приезда бывшего депутата М. И. Герасимова в г. Чистополе полиция встретила его на пристани, произвела тщательную ревизию имущества и, отобрав книги, газеты, письма и записную книжку, отпустила. Через несколько дней депутат Герасимов был вызван в полицию снова, и ему была дана точная инструкция, что он должен делать и чего не должен [2, С. 12].

Другой случай указывает на то, что рано утром, никому, не давая знать о своём приезде, тихо сошёл с парохода в городе Вольске И. В. Жилкин, лидер трудовой группы... Его не встретил никто, даже близкие родные... Однако, его приезд не остался незамеченным. Не успел Жилкин войти в свой дом, поздороваться с матерью и братом, как нагрянула полиция и занялась распаковыванием еще не разобранных вещей бывшего депутата. Пристав переворачивал белье, рылся в газетных вырезках, торопливо распечатывал и пересматривал письма и корреспонденцию... Один из хороших знакомых Жилкина отправился было к полицмейстеру с просьбой разрешить устроить собрание, на что был получен категорический отказ. В итоге, вечное следование по его пятам тайной и явной полицией уже в конце второго дня сделалось для

него невыносимым. И он предпочёл уехать из родного города, никому, не сообщив о своём отъезде [2, С. 13].

Следует отметить, что подобные просьбы проведения собрания с бывшими членами Думы встречали повсеместный отказ, поэтому оставался один путь – устраивать их, не считаясь с запрещением, но подобные попытки кончались жестокой расправой, и не всякий решался на это [8, С. 24–36].

Например, импровизированный митинг 20 августа в г. Уральске не понравился наказному атаману, и он решил действовать строго и энергично. Так, 27 августа... покончив с разгромом толпы на площади, полиция бросилась к чайной, и начался «вывод оттуда и правых, и виноватых». Бывший депутат Недоносков был сильно помят в зале чайной, легко ранен, затем сильно избит на лестнице и получил несколько ударов уже на улице на глазах администрации. Он был арестован и под конвоем отправлен в тюрьму, где фельдшер тюрьмы оказал ему первую медицинскую помощь [2, С. 33–35; 8, С. 24–36].

Значительная группа выборщиков г. Уральска обратилась к военному губернатору Уральской области с протестом по поводу расправы полиции и казаков и с прошением об освобождении Недоноскова, незаслуженно лишённого свободы. «Его участие в митинге, писали они, было вызвано прямым настоянием населения, пренебрегать требованиями которого он, как избранник народа, не имел никаких нравственных оправданий». Но власти не обратили никакого внимания на этот протест и решили выслать В. В. Недоноскова за пределы Уральской области [2, С. 33–35; 8, С. 24–36].

В слободе Ракитной Курской губернии во время базара большая толпа крестьян требовала от бывшего члена Государственной Думы Кутоманова ознакомить их с делами Думы. Во время беседы явились 50 казаков и разогнали толпу. Квартира Кутоманова была

оцеплена стражниками, наблюдающими, чтобы он не общался с населением.

На станции Дружково митинг (до 4000 чел.) был разогнан надзирателем и казаками с помощью ружейных залпов, от которых оказались двое смертельно раненных, двое тяжело раненных (один из них скончался на другой день) и много легко раненных (как подтверждал один из городских, всего пуль было выпущено – 44) [8, С. 24–36].

В Харьковской губернии бывший член Государственной Думы Иваницкий за частную беседу с крестьянами был окружен стражниками и обыскан. Крестьяне разогнаны.

Обыск был произведен у многих депутатов и почти всегда без всяких результатов: в г. Вольске – у С. И. Бондарева, в Опочечком уезде – у И. В. Островского, в Тифлисской губернии – у И. И. Рамишвили, в д. Ляпино Новгородской губернии – у Д. В. Васильева, в Москве – у Комиссарова, в м. Вязовка – у крестьянина Л. С. Литвина, в Петербурге – у Л. М. Брамсона, в Вятской губернии – у И. Н. Овчинникова, в Бессарабии – у Ф. А. Сеффера, во Владимире – у Черносветова, в Казани – у М. Н. Герасимова и П. А. Ершова, в Орловской губернии – у Д. И. Зайцева, в Харьковской губернии – у М. М. Ковалевского и А. Ф. Грабовецкого, в Лубнах – у В. М. Шмита, в Киеве – у Локтя [8, С. 24–36].

Серьезно мог пострадать представитель Слободского уезда Вятской губернии И. О. Кузнецов. По случаю проезда депутата в с. Коса собрался многочисленный митинг. Однако отряд стражников атаковал собравшихся и разогнал митинг. Стражники хотели разделаться с депутатом Кузнецовым, но вместо него по роковой случайности был убит его сосед [8, С. 24–36].

В июле в Судже был арестован И. Е. Соломко, только что прибывший на родину. В своей деревне земским начальником Масловым при помощи драгун и стражников

был арестован С. П. Кондрацук и заключен в Брест-Литовскую тюрьму. В Кременце по распоряжению волынского губернатора был арестован А. Г. Фурман. Ненадолго был арестован Ф. И. Иваницкий и освобожден под залог в 500 руб. В Воронеже арестованы Д. Я. Медведев, Я. А. Осадчий и Торшин, в Умани Киевской губернии – С. Р. Френкель, в Мариуполе – И. И. Лысенко, в Тамбове – В. Т. Окунев, в Петербурге – И. И. Субботин, в селе Орловка близ Бердянска – С. П. Притула, в Курске арестован судебным следователем по важнейшим делам Г. Н. Шапошников, в Опоченском уезде близ Варшавской губернии побит, отправлен в больницу и арестован И. В. Островский, в Малоархангельске Орловской губернии арестован и заключен в тюрьму М. Е. Куканов, а в Брянском уезде – И. С. Бибилов [2; 3, С. 261–267; 8, С. 24–36].

И. В. Тарасенко, депутат Глуховского уезда, жил на нелегальном положении, чтобы избежать ареста. Не найдя И. В. Тарасенко, полиция арестовала его младшего брата и заявила престарелым родителям, что будет держать его «заложником», пока не будет отыскан преследуемый депутат. 27 сентября 1906 года И. В. Тарасенко был арестован и препровожден в тюрьму в Кролевец [8, С. 24–36].

Данные факты, публикуемые в местных газетах, способствовали развитию негативного отношения населения к властям.

Трагические судьбы бывших народных представителей раскрываются и в издании Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милюкова, опубликованном в 1929 году в Париже [9].

Как указывают современники тех лет, лишь тайком, скрываясь от полиции и под защитой населения, могли депутаты дать отчет народу о своей работе.

В. В. Бруснянин отмечает, что на имя Государя Императора и министра приходили многочисленные постановления крестьянских

сходов и резолюции митингов, в которых крестьяне настаивают на освобождении арестованных членов Государственной Думы, напоминая, что депутатам была обещана личная неприкосновенность [2, С. 17].

Местами народ действительно отстоял своих депутатов и не допустил их ареста. Так было, например, в Корсуне, где бывшему депутату Матвееву прокурор объявил, что он за подписание «Выборгского воззвания» к народу, арестовывается. Матвеева повели в тюрьму, тогда рабочие фабрики Белоусова толпой в несколько сот человек вырвали из рук полиции своего избранника, и Матвеев несколько дней находился на фабрике под охраной рабочих [2, С. 19; 8, С. 24–36].

Отстояли своего депутата и жители Камышина, когда местная полиция хотела арестовать Я. Е. Дитца, обвинявшегося в распространении в своем имении изданий преступного содержания, возбуждающих к ниспровержению существующего общественного строя. Узнав об обыске у Я. Е. Дитца, горожане ударили в набат, и быстро у его дома собралось не менее 2–3 тысяч человек, посылавших угрозы в адрес блюстителя порядка. Простояв около дома часа два, горожане открыли митинг, крыльцо дома превратилось в трибуну, начались речи на политические темы. «Будем стеречь своего избранника днем и ночью. Не дадим полицейским коснуться нашего депутата», – заявили обыватели г. Камышина. Сам Я. Е. Дитц сказал: «Вы, граждане, защищаете не меня лично, а защищаете свою идею народного представительства, идею, которую безответственное правительство старается разбить и уничтожить. Я вижу, что два месяца занятий Думы не прошли бесследно: народ увидел все язвы старого строя и теперь уже не верит правительству, которому Дума пред лицом всей страны выразила недоверие». Местная полиция не решилась арестовать Я. Е. Дитца, высшее начальство ограни-

чилося предписанием о его домашнем аресте, взяв с него подписку о невыезде [8, С. 24–36].

Не удалась и попытка полиции арестовать депутата Пензенской губернии В. Ф. Врагова. 30 июля в с. Каменка Нижнеломовского уезда после богослужения в местной церкви крестьяне во главе с бывшим депутатом Враговым просили священника отслужить панихиду по бывшему члену Государственной Думы М. Я. Герценштейну. Просьба была исполнена. Это дошло до сведения властей, в Каменку явились исправник, становой, стражники и солдаты. Врагов был арестован и отправлен в имение Воейковой, где помещён был в конторе под надзором. В его квартире был произведен обыск. Каменцы страшно взволновались: моментально собралась огромная толпа, полетели гонцы во все соседние деревни, ударили в набат, который гудел всё время, не переставая. Со всех сторон сбегался народ, и скоро толпа в несколько тысяч направилась к имению Воейковой, освободила Врагова, которого торжественно понесла на руках с красными флагами и песней «Марсельеза». Набат продолжал гудеть, созывая народ. На площади образовался грандиозный митинг, принявший решение освободить политических арестантов, которых должны были провозить в поезде по железной дороге. Но поезд уже прошел. Толпа направилась к имению Воейковой; испугавшийся исправник заявил, что он и не думал арестовывать Врагова, а хотел с ним лишь поговорить. Была постановлена резолюция, в которой народ предупредил власти, что он не отвечает за последствия, если арест повторится. 1 августа в Каменку прибыли пензенский вице-губернатор и жандармский офицер в сопровождении большой стражи. Был отдан новый приказ об аресте Врагова. Вновь загудел набат, стала сбегаться толпа. На замечание исправника: «Вмешиваться в дела начальства не следует», – в полицию полетел град

камней. При возгласах «Не выдадим своего выбранного!» исправник был смертельно ранен и затем добит его же саблей, выхваченной из ножен. На следующий день в Каменку был отправлен карательный поезд, выехал пензенский губернатор, началось усмирение при помощи казаков, закончившееся многочисленными арестами [8, С. 24–36].

Особенно сильно разразилось народное негодование в связи с арестом бывшего депутата от Екатеринославской губернии Ф. М. Онипко, после того как стало известно, что он предается военно-окружному суду. В местной газете об этом говорилось, что «своему бывшему депутату Онипко все крестьяне очень верят и страшно его любят. На всех сходах говорят о нем и делают постановления с требованием о его освобождении и прощении». Жители с. Петровского на сходе обсуждали арест своего депутата и постановили потребовать от священника отслужить молебен о спасении депутата [2, С. 22].

Полиция активно проводила свою политику как внутри страны, так и за ее пределами. Вскоре после роспуска Государственной Думы департамент полиции «предложил всем агентам, находящимся в России, тщательно следить за бывшими депутатами, выезжающими за границу, куда именно они направляются и едут ли они одни или с кем-нибудь в обществе. Точно так же заграничным агентам предложено следить за бывшими депутатами, находящимися за границей. Меры эти найдутся в связи с желанием департамента точно установить характер сношений бывших депутатов с заграничными обществами» [2, С. 62].

Так ряд депутатов должны были жить на нелегальном положении или за границей, не решаясь возвратиться домой. Это по преимуществу трудовики и социал-демократы: С. В. Аникин; И. И. Рамишвили, дом которого в селе Суреба был оцеплен казаками, но депутата не было дома (по распоряжению вла-

стей он должен был быть сослан на 3 года в Тобольскую губернию); З. И. Выровой, скрываясь от преследований, уехал за границу и только после двух месяцев скитанья вернулся в Россию; пермский депутат И. И. Антонов заболел тяжелой нервной болезнью на почве полицейского преследования; депутаты С. С. Крым и А. Г. Сипягин не решались вернуться в Симферополь, а П. Ф. Белоусов – в Глазовский уезд Вятской губернии, опасаясь ареста; полиция разыскивала в Каменец-Подольске И. К. Заболотного, который впоследствии был выслан за пределы Подольской губернии; также были высланы С. Я. Тумбусов (из Вятской губернии), В. И. Ишерский (из Семипалатинской области), Ф. И. Иваницкий (из Харьковской губернии) [8, С. 24–36].

Гонениям подверглись и члены Государственной Думы – священники, подписавшие «Выборгское воззвание». Так, Новочеркасская духовная консистория постановила лишить сана священника К. Афанасьева и заключить его в монастырь. За отказ отправиться в Кременский монастырь он был арестован. Святейший синод запретил священнику Н. Огневу священнослужение. Прихожане неоднократно писали просьбы и телеграммы в Святейший синод или на имя председателя Совета министров П. А. Столыпина о восстановлении священников в правах и о возвращении их на место прежнего служения. Однако ходатайства остались без ответов.

Депутаты, не подвергшиеся ни высылке, ни аресту, претерпевали гонения в ином смысле – администрация увольняла «провинившихся крамольных» народных представителей от занимаемых ими должностей, а дворяне выносили соответственные постановления и исключали «недостойных» из своей среды.

Подписание «Выборгского воззвания» было поводом для целого ряда преследований против народных представителей. Так, еще

до окончательного постановления судебных установлений о возбуждении дела по обвинению подписавших его по ст. 129 Уголовного уложения дворянские собрания нескольких губерний (Курской, Ярославской, Кишиневской и др.) возбудили вопрос об исключении из состава дворян бывших членов Государственной Думы. Позднее, когда вопрос о привлечении, подписавших воззвание к «ответственности», был решен, последовали и другие преследования.

Так, первым кампанию таких гонений начало курское дворянство, постановившее на чрезвычайном губернском дворянском собрании большинством голосов (98 против 3) исключить из состава дворян губернии бывших членов Государственной Думы, подписавших «Выборгское воззвание»: кн. П. Долгорукова, фон Рутцена, Якушкина и Ширкова [8, С. 24–36].

Вслед за курянами ярославский дворянин П. А. Соколов, отставной генерал-майор, на экстренном дворянском собрании подал заявление, в котором поднял такой вопрос: «Имеются ли в числе ярославских дворян такие, которые подписали «Выборгское воззвание?» Если таковые имеются, постановил ярославский дворянин, то ярославское дворянство должно последовать «доблестному примеру» курских дворян и немедленно исключить из семьи дворян крамольников и изменников. За ярославским дворянством последовало и кишиневское, постановившее исключить из состава бывших членов Государственной Думы Л. Е. Сицинского и В. В. Яновского [2, С. 46].

Многие из бывших народных представителей, возвратившись на места, были лишены возможности занять прежние должности, как неблагонадежные или как лица, привлеченные к ответственности за подписание «Выборгского воззвания». Например, бывший парламентарий от Пензенской губернии М. С. Киселев лишился места начальника почтово-телеграфной конторы, которое он

занимал ранее более 20 лет; бывшие депутаты В. А. Маслов, М. К. Гудилин и В. А. Харламов были лишены возможности продолжать свою педагогическую деятельность; елабужский депутат инспектор народных училищ В. С. Нечаев был переведен в другую губернию; бывший член Думы от Киевской губернии Г. Л. Зубченко по распоряжению киевского губернатора был уволен с должности волостного старшины; бывший народный представитель от рабочих г. Казани П. А. Ершов по телеграмме военного министра уволен из числа служащих порохового завода; Я. А. Гужовский (член Думы от Черниговской губернии) был уволен с должности земского страхового агента [8, С. 24–36].

Как подписавшие «Выборгское воззвание», отстранены от должностей П. П. Толстой (член Уфимской губернской земской управы), В. Н. Родаков (председатель Лугской уездной земской управы), М. А. Квасков (от должности врача в Смоленске), С. Р. Френкель (от должности заведующего больницей в Умани), Морев (от должности агронома на Кавказе), И. Х. Зиатханов (от должности товарища прокурора Елисаветградского окружного суда), С. Д. Урусов, А. С. Ломшаков, А. Н. фон Рутцен, Ф. Р. Штейнгель, Д. А. Скульский и Н. И. Метальников временно отстранены от должности почетных мировых судей до окончания возбужденных против них дела, Ростовцев – от должности Воронежского городского головы [8, С. 24–36].

Некоторые из дворянских собраний, помимо того, делали постановления об исключении их из состава дворянских обществ (С. Муромцев, М. Деларю, Н. Ковалевский, В. Родаков, Н. Метальников, В. Микешин, В. Обнинский, С. Урусов, П. Долгоруков, А. фон Рутцен, В. Якушкин, Н. Ширков, Л. Сицинский, В. Яновский).

Местами эти распоряжения встречали отказ со стороны земств и городских дум (Тверская управа, Санкт-Петербургская городская

дума, Могилевская городская дума, Костромское губернское земское собрание, Курское губернское земское собрание, Казанский совет присяжных поверенных), но в большинстве случаев эти распоряжения не вызвали протеста [8, С. 24–36].

Только одно Костромское Дворянское собрание протестовало против этого, включив в свою среду некоторых дворян из бывших членов Государственной Думы, исключенных другими собраниями.

Также последовал ряд распоряжений губернаторов и градоначальников об отстранении привлеченных к суду бывших депутатов от редакторства газет (Я. Теннисон – ред. *Postimees* в Юрьеве, В. Оболенский – ред. «Жизни Крыма» и Ш. Левин – ред. *Das jüdische Volk* в Вильне) и даже об исключении из состава присяжных поверенных (А. Ахтямов и С. Розенбаум) [8, С. 24–36].

Одновременно с исключением дворян из сословия началось и отрешение подсудных депутатов от должностей, преимущественно с земской службы. Эта мера преследований проводилась согласно с распоряжением министерства внутренних дел [8, С. 46].

По сведениям газет, были исключены из состава земских и думских гласных И. Петрункевич и М. Петрункевич, А. Медведев, В. Обнинский, С. Урусов, М. Комиссаров, М. Квасков, В. Лебедев, А. Попов, В. Оболенский, Т. Локоть, Н. Ростовцев, А. Хрущев, А. Токарский, Н. Семенов, Е. Кедрин, Д. Шаховский, К. Некрасов, Д. Скульский, З. Френкель, Г. Твердый, И. Чакете, С. Муромцев, М. Деларю, Ф. Иваницкий, Н. Ковалевский, М. Линтварев, П. Чижевский, А. Муханов, И. Шраг, Т. Локоть, Л. Смирнов, П. Долгоруков, А. фон Рутцен, В. Якушкин, Н. Ширков, П. Куриленко. Из состава общественных учреждений исключены Л. Брамсон, Л. Лопас и И. Кубилис [8, С. 24–36].

Из списков избирателей в Государственную Думу исключены: П. Сафонов, З. Френкель, А. Алкин, П. Ершов, А. Ледницкий, П. Нов-

городцев, С. Котляровский, П. Долгоруков, Н. Метальников, В. Обнинский, Д. Шаховской, К. Некрасов, Д. Скульский, Н. Бородин, Л. Брамсон, Л. Ломшаков, С. Муромцев, Л. Шефтель, И. Антонов, В. Окунев, А. Попов, Н. Семенов, Л. Смирнов, В. Яновский.

Укажем еще на то, что некоторые из бывших членов Государственной Думы были привлечены к судебной ответственности: Г. Шапошников, В. Недоносков, М. Кутоманов, Я. Дитц, С. Притула, П. Ершов, Д. Медведев, М. Квасков, М. Герасимов, С. Френкель по обвинению в распространении литературы; В. Рогов, Н. Езерский и Т. Иванов за произнесение речей о Государственной Думе среди крестьян; И. Корсаков за подстрекательство к неплатежу податей (дело прекращено); А. Тесля обвинялся по 9 делам (ст. 129) как редактор «Крестьянского депутата» [8, С. 24–36].

Резюмируя вышесказанное, согласимся с тезисом Л. В. Щегло о том, что, когда депутаты оказались перед закрытыми дверями Думы, они должны были получить наглядный урок, с одной стороны, того, что правительство не боится слов и не уступает словам, с другой – что большинство Думы, стараясь отгородиться от народа и успокаивая его, оказалось бессильным без народной поддержки, которая могла бы сделать слова, произносимые в Думе, значительными, страшными и опасными для старого режима [12, С. 28].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активная депутатская деятельность вызвала определенную правительственную реакцию с применением различных административно-политических сил и средств. В свою очередь, неоправданно высокие ожидания от народной институции объективировались в жестокости и агрессии по отношению к бывшим народным представителям. С другой стороны, оправдавшие доверие избирателей депутаты находили защиту в своей электро-

ральной среде. Указанная политическая турбулентность приносила драматизм в формирование как групповой социокультурной и политической идентичности, так и персональных судеб.

Результаты исследования дают возможность переосмысления данного опыта в современный период.

Библиография:

1. Борисов А.С., Холодов В.А. Государственные думы России: законотворческий и представительный опыт в контексте историко-правовой компаративистики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 161-168.
2. Бруснянин В.В. Судьба первых депутатов. – СПб.: Современник, 1906. – 82 с.
3. Гаврилюк И.В. Отражение деятельности Государственной Думы первых созывов на крестьянском движении в Орловской губернии 1905–1907 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 5 (13). – С. 261-267.
4. Зотов В.В. Орловские земские деятели-дворяне в представительных органах власти России (1906–1917 гг.) // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 2 (79). – С. 13-19.
5. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. – М.: Издательство Госдумы, 2013. – 240 с.
6. Колесников В.Н. Народное представительство и парламентаризм в истории политической мысли России. – СПб.: Издательство СЗАГС, 2006. – 272 с.
7. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь: Пермское книжное издательство, 2006. – 366 с.

8. Куприянова Л. Депутаты первого призыва после роспуска Государственной Думы // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. – 1907. – № 2. – С. 24–36.
9. Памяти погибших / под ред.: Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова [и др.]. – Париж, 1929. – 231 с.
10. Савенкова Л.В. История развития народного представительства в дореволюционной России // Вестник Военного университета. – 2010. – № 4 (24). – С. 168–175.
11. Селунская Н.Б. «Народное представительство» Российской империи начала XX в. в памяти и судьбах «думцев» // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36186. – URL: <https://clck.ru/ZQA4Z>.
12. Щегло Л.В. Работа партий в первой Думе. 1906 г. 27 апреля – 9 июля. – СПб.: Электронпечатня Я. Левенштейн, 1907. – 29 с.

References:

1. Borisov A.S., Kholodov V.A. (2015) Gosudarstvennyye dumy Rossii: zakonotvorcheskiy i predstavitel'nyy opyt v kontekste istoriko-pravovoy komparativistiki [State Dumas of Russia: Legislative and Representative Experience in the Context of Historical and Legal Comparative Studies] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.10. – №6. – S.161-168. (In Russ.).
2. Brusyanin V.V. (1906) Sud'ba pervykh deputatov [The fate of the first deputies]. – SPb.: Sovremennik. – 82s. (In Russ.).
3. Gavrilyuk I.V. (2010) Otrazheniye deyatel'nosti Gosudarstvennoy Dumy pervykh sozyvov na krest'yanskom dvizhenii v Orlovskoy gubernii 1905–1907gg. [Reflection of the activities of the State Duma of the first convocations on the peasant movement in the Oryol province in 1905-1907.] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – №5(13). – S.261–267. (In Russ.).
4. Zotov V.V. (2018) Orlovskiy zemskiy deyateli-dvoryane v predstavitel'nykh organakh vlasti Rossii (1906–1917gg.) [Oryol zemstvo noblemen in the representative bodies of power in Russia (1906–1917)] // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – №2(79). – S.13–19. (In Russ.).
5. Istoriya deyatel'nosti pervykh Gosudarstvennykh dum dorevolyutsionnoy Rossii: sravnitel'nyy analiz traditsiy pravotvorchestva [The history of the first State Dumas in pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of the traditions of lawmaking]. – M.: Izdatel'stvo Gosdumy, 2013. – 240s. (In Russ.).
6. Kolesnikov V.N. (2006) Narodnoye predstavitel'stvo i parlamentarizm v istorii politicheskoy mysli Rossii [Representation of the people and parliamentarism in the history of political thought in Russia]. – SPB.: Izdatel'stvo SZAGS. – 272s. (In Russ.).
7. Kir'yanov I.K. (2006) Rossiyskiye parlamentarii nachala KHKH veka: novyye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliaments of the early twentieth century: new politicians in a new political space]. – Perm': Permskoye knizhnoye izdatel'stvo. – 366s. (In Russ.).
8. Kupriyanova L. Deputaty pervogo prizyva после роспуска Gosudarstvennoy Dumy [Deputies of the first call after the dissolution of the State Duma] // Byloye: Zhurnal, posvyashchenny istorii osvoboditel'nogo dvizheniya. – 1907. – №2. – S.24-36. (In Russ.).
9. Pamyati pogibshikh [In memory of the victims] / pod red.: N.I. Astrova, V.F. Zeyelera, P.N. Milyukova [i dr.]. – Parizh, 1929. – 231s. (In Russ.).
10. Savenkova L.V. (2010) Istoriya razvitiya narodnogo predstavitel'stva v dorevolyutsionnoy Rossii [The history of the development of national representation in pre-revolutionary Russia] // Vestnik Voyennogo universiteta. – №4 (24). –

S.168–175. (In Russ.).

11. Selunskaya N.B. (2021) «Narodnoye predstavi-tel'stvo» Rossiyskoy imperii nachala KHKH v. v pamyati i sud'bakh «dumtsev» [«People's Representation» of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century. in the memory and destinies of the «Duma members»] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. – №4. – DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36186. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36186. (In Russ.).

12. Shcheglo L.V. (1907) Rabota partiy v pervoy Dume. 1906 g. 27 aprelya – 9 iyulya [Work of parties in the first Duma. 1906 April 27 – July 9]. – SPb.: Elektropechatnya YA. Levenshteyn. – 29s. (In Russ.).